

Азии (АРАССВА). Помимо традиционных форм сотрудничества будут появляться и новые, такие как открытие представительств зарубежных фирм в Иркутской области и наоборот, активизация «экспо-дипломатии» — организация торговых выставок иностранных регионов и предприятий в Иркутске, презентации Иркутской области за границей. Помимо этого, существует надежда, что Байкальский экономический форум, который регулярно проходит в Иркутске с 2000 г. станет действительно эффективным механизмом для реализации инвестиционных программ с участием зарубежных партнеров, а не местом подписания очередных протоколов о намерениях.

Таким образом, несмотря на то, что у Иркутской области, как субъекта РФ имеется значительный задел в сфере развития международного сотрудничества, к которому подталкивает логика происходящих мирополитических процессов, существует ряд явных и скрытых факторов, негативно влияющих на интенсификацию внешних связей, к которым можно отнести политику федерального центра, выдающего в активизации иностранных акторов в Сибири угрозу национальной безопасности, инертность местных элит, и, как следствие, отчуждение крупных иностранных бизнес-структур, опасющихся вкладывать значительные средства в нестабильную экономику области.

А.А. РАСПОПИНА

ИРКУТСКОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО: МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (по данным РГАВМФ)

Деятельность Иркутского адмиралтейства представляет собой интересные и пока еще малоизвестные страницы истории Иркутска. По-прежнему наиболее полным очерком истории парусного казенного и частного судоходства по Байкалу считается работа капитан-лейтенанта А. Сгибнева, состоявшего при штабе генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского (см.: *Сгибнев А. Байкал и его судоходство // Морской сборник. 1870. № 4, 5, 7, 8*). Сгибнев имел возможность работать с документами, большая часть из которых впоследствии была уничтожена иркутским пожаром 1879 г., в связи с чем, материалы о деятельности иркутского адмиралтейства сохранились только в центральных архивах — РГИА и РГАВМФ. Работая с документами архивов, довольно необычным оказался вопрос, поднимаемый в переписке различных высших государственных инстанций, по поводу того, когда и для чего было образовано адмиралтейство в Иркутске?

Сегодня известно, что учреждение адмиралтейства неразрывно связано с работой Нерчинской экспедиции (1753–1765 гг.), описные и

съемочные работы которой положили начало составлению целого цикла картографических документов, а также первым попыткам создания водной системы сообщений в Восточной Сибири. Байкал должен был стать звеном в протяженной цепи водной коммуникации, куда входили рр. Ангара, Селенга, Шилка, Ингода, Амур. В связи с этим потребовалось завести казенное судоходство по оз. Байкал, кроме того, в Иркутске должны были заготавливаться необходимые припасы для охотского порта. По предложению сибирского губернатора В.А. Мятлева указом Сената от 29 июня 1754 г. в Иркутске была создана адмиралтейская команда, «подчиненная губернскому начальству». Предписано было «морских офицеров и служителей отдать в ведомство его г-на Мятлева с жалованием и окладом кои при порученном ему г-ну лейтенанту комиссии в дальних командировках находиться будут, награждения чинить от тамошних сибирских доходов» (РГАВМФ. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 808. Л. 176). Из архивных документов известно, что все командированные в Сибирь для работы в Нерчинской секретной экспедиции «от адмиралтейства чины после указа Сената 1753 г. 22 июля (об образовании этой экспедиции) из флотской службы исключены, поставлены в ведение губернии, коим пожалование производить не от адмиралтейства» (Ф. 212. Оп. 2 отдел. Д. 798. Л. 13). Однако чуть более чем через год вопрос о том, к какому ведомству должны относиться флотские и мастеровые, находящиеся в Сибири возникает вновь. Так в 1754 г. 22 сентября Адмиралтейств-коллегия сообщила Сенату, что отправленных в распоряжение сибирского генерал-губернатора Мятлева адмиралтейских служителей необходимо исключить из ведомства адмиралтейств-коллегии. Сенат в 1755 г. своим указом определяет «числить их в ведомстве адмиралтейском, что касается до произведения в бытность их в Сибири жалованием, оное не из адмиралтейской суммы, но из тамошних сибирских доходов» (Ф. 212. Канц. II отд. Д. 808. Л. 176 об.).

Когда же в январе 1779 г. секунд-майор М.И. Татаринов обратился в Адмиралтейств-коллегию с прошением о награждении его капитанским чином, то получил ответ от коллегии, что «от во флоте не числится и коллегия наградить его чином и жалованием не может, так как оное получается не из адмиралтейской суммы, но по сибирским доходам» (Ф. 212. Оп. 2 отдел. Д. 798. Л. 95).

В 1765 г. в связи с осложнившейся дипломатической обстановкой (из-за появления русских и их активизации на Амуре и прилегающих к нему территориях) Указом Сената Секретная экспедиция была расформирована. С прекращением работы Нерчинской экспедиции сократились и функции самого адмиралтейства, теперь согласно распоряжениям Сибирского приказа от 8 апреля 1758 г. байкальские суда должны были осуществлять «перевозку казенной и партикулярной клади, а также разного звания людей, экипажей, ссыльных арестантов и сплав казенного про-

вианта» через Байкал, так как дороги вокруг моря не было (*Сгайбнев А.С. Указ. соч. С. 14*). Адмиралтейство было призвано упорядочить систему перевозок и увеличить скорость доставки грузов, поддерживая бесперебойную связь с Забайкальем.

Через несколько лет в 1776 г. Сенату потребовались сведения «о находящихся в Иркутске геодезистах, морских и адмиралтейских служащих, учениках навигацкой школы». С этим вопросом он обратился к Адмиралтейств-коллегии, которая смогла только сообщить, что «все тамошние обстоятельства не известны, какое число и какого рода судов там иметь и вперед должно, где, для чего употребляться должны и как заведены» (*Ф. 212. Канц II отд. Д. 808. Л. 177*). Ранее — в 1774 г. Сенат обращался с этим же вопросом к Иркутскому губернатору Ф.Г. Немцову, поручив ему представить по этому вопросу подробный отчет. Известно, что с сентября 1801 г. все управление делами Иркутского адмиралтейства было передано в распоряжение Адмиралтейств-коллегии, которая до того времени принимала в управлении и организации работы казенного судоходства по Байкалу лишь относительное участие, которое заключалось в рассмотрении чертежей байкальских судов, когда они ей предоставлялись иркутским начальством.

В 1805 г. Сибирский генерал-губернатор действительный тайный советник И.О. Селифонтов обращался в Адмиралтейств-коллегию с просьбой о выплате двойного годового жалования морским и адмиралтейским служащим, командированным в 1800 г. на Байкал-море по примеру охотской морской команды. Селифонтов просил выделить деньги на основании «дороговизны в жизненных припасах», по этой причине на получаемое ими жалованье они «содержать себя не могут». Но Государственное казначейство не смогло удовлетворить просьбу, так как для выплаты подобного жалования необходим был именной императорский указ. Через некоторое время Александр I подписал разрешение на выдачу денег из Государственного казначейства, «находящимся на Байкале флотским и адмиралтейским служащим на жалованье 1 451 р. 58 к. и на провизию 429 р. в год» (*Ф. 212. Канц. III отд. Д. 17. Л. 37*).

Если говорить о численности адмиралтейской команды, занятой судоходством по Байкалу, строительством судов, заготовкой и отправкой припасов для Охотского порта, то она была не велика. Часто ощущался недостаток как командного состава, так и просто знающих морское дело людей. В 1760 г. морских адмиралтейских служащих в Иркутске было 29 чел., а вместе с учителями и учениками иркутской навигацкой школы — 87 чел. (*Ф. 212. Канц. II отд. Д. 808. Л. 206*). В 1802 г. при Иркутской команде находилось 38 чел. и дополнительно из России на Байкал было командировано 65 чел., в отношении которых Селифонтов и просил о выплате удвоенного жалованья (*Ф. 212. Канц. III отд. Д. 17. Л. 34*). В 1809 г. при Адмиралтействе состояло 82 чел., из них морской коман-

ды — 54 чел. и самих адмиралтейских служителей — 48 чел., (Ф. 212. Канц. III отд. Д. 76. Л. 87). Адмиралтейская команда комплектовалась, в основном, направляемыми из Европейской России, но были и местные — из крестьян, из казачьих детей. В 1838 г. адмиралтейская команда состояла из 6 обер-офицеров, 68 нижних чинов и 38 мастеровых, (Ф. 283. Оп. 1. Д. 4359. Л. 10).

Судя по отчету адъютанта Главного Морского Штаба капитан-лейтенанта Васильева, направленного для осмотра Иркутского, Охотского и Петропавловского портов в 1838 г. иркутская адмиралтейская команда произвела на него не слишком хорошее впечатление: «команда состоит в весьма неудовлетворительном состоянии по всем частям, в особенности же в обязанностях солдат; многие даже старослужащие не знали имен императорской фамилии. Обмундирование всех вообще далеко не соответствует находящемуся на Балтийском флоте, как в отношении пригонки, так и материалах» (Там же). Причины такой ситуации Васильев видел в отсутствии в Иркутске образцов для изготовления форменной одежды и низком качестве сукна, доставляемого из Военного комиссариата.

В конце 20-х гг. XIX в. некоторая напряженность складывалась в связи с необходимостью предоставления квартир морским офицерам адмиралтейства с их семьями. Морские офицеры, состоящие в штате Иркутского адмиралтейства, были расквартированы вместе с семьями в домах жителей Ушаковского предместья. Однако в 1829 г. Иркутская городская Дума обсуждала с общей городской управой вопрос, поднятый жителями Ушаковского предместья об обременительности для них содержания «на постое офицеров здешней морской команды». Дума настаивала на том, что офицеры с семьями, как и раньше, могут размещаться на территории самого адмиралтейства в доме начальника. В конечном счете Главное управление Восточной Сибири вынуждено было обратиться на этот счет к начальнику Морского Штаба Его Императорского величества кн. Меншикову. После рассмотрения дела в Иркутск была направлена резолюция, в которой отклонялось требование городской Думы и предписывалось: сохранить дом за начальником адмиралтейства, т.к. «самое звание его требует уже квартиры несколько от подчиненных отличной». Офицеров запрещалось размещать в служительской казарме, в связи с большими неудобствами, которые могут возникнуть, особенно для семейных. Мастерские же всегда используются для различных работ, поэтому селить здесь нижние чины, освобождая, таким образом, служительские казармы для офицеров также не представляется возможным. По мнению начальника Морского Штаба «для Иркутска не может быть обременительным содержание на постое пяти только морских офицеров, после того, как город освободился от постоя целого сухопутного батальона» (Ф. 205. Оп. 1. Д. 569.

Л. 15 об.). Иркутску предлагался выход: вместо безденежного отвода квартир, нанимать эти квартиры за плату, причем эта плата или денежный сбор, могли быть разделены между всеми обывателями Иркутска, а так как квартир требовалось всего несколько, то и денежный сбор мог быть незначительным.

В 30-х гг. XIX в. Морское Министерство активно начало сбор «сведений об устройстве и управлении сибирских портов в хозяйственном отношении». Необходимо было точно установить «когда и в каком виде Сибирские порты: Охотск, Петропавловск и Иркутское Адмиралтейство по хозяйственной части получили образование», иметь сведения о личном составе, о том, каким образом производится снабжение этих портов (Ф. 158. Оп. 1. Д. 1251. Л. 1). В первой четверти XIX в., с началом эпохи кругосветных российских экспедиций, обязанности иркутского адмиралтейства по заготовке и снабжению Охотска необходимыми припасами значительно сократились, в связи с этим обсуждался вопрос о возможности передачи адмиралтейства в гражданское ведомство или в ведение Главного Управления Путей Сообщения. Однако даже в ходе проведения инспекторской проверки по-прежнему наибольшую сложность представил вопрос о том, «когда и на какой предмет учреждено Иркутское Адмиралтейство» (Ф. 158. Оп. 1. Д. 1251. Л. 44). Кораблестроительный департамент обращался по этому поводу в Инспекторский департамент с просьбой предоставить документы из дел архива, но таких сведений в архиве не оказалось. Высказывалось лишь предположение, согласно которому адмиралтейство было образовано в связи с указом 2 мая 1732 г. «о приискании при р. Ангаре и около Якутска железной руды и заведении в удобных местах малых заводов» (Ф. 158. Оп. 1. Д. 1251. Л. 56). Таким образом, в самом Морском министерстве не имелось сведений о том, на каком основании в центре Сибири было образовано подобное учреждение. Подобная ситуация возникала и в 1750-х гг. — в начальный период деятельности адмиралтейства и в конце 1830-х гг. Точного ответа на этот вопрос ни одна из государственных структур дать не могла. Можно предположить что скорее всего, это связано с деятельностью Секретной Нерчинской экспедиции, одной из основных задач которой было изучение р. Амура и организация беспрепятственного плавания по нему и далее морем к Охотскому и Удскому острогам. В связи с возникшей по этому поводу напряженностью в дипломатических отношениях между Россией и Китаем, экспедиция была расформирована, а данные о ней и всем, что с ней связано засекречены. По этой же причине Ф.И. Соймонов (возглавлявший Секретную экспедицию) отказался сообщить Г.Ф. Миллеру о том, что имеет к ней отношение. Сама же экспедиция в официальных документах часто называлась Камчатской, как своего рода продолжение знаменитых Камчатских экспедиций (1725–1730, 1733–1741 гг.).